

«О Горячем поле ходит дурная слава: оно служит притоном для босяков, воров и прочих рыцарей печального образа, — писал в начале XX в. знаменитый бытописатель столицы журналист Анатолий Бахтиаров. — По праздничным дням здесь, сидя на траве, дуются в карты и в орлянку. По вечерам не пройди: ограбят. Горячее поле начинается против Новодевичьего монастыря, по другую сторону Забалканского проспекта, и тянется мимо Митрофаньевского и Громовского старообрядческого кладбищ и идет далее, за Московскую заставу, параллельно Московскому шоссе — версты на три, на четыре».

Часть Горячего поля, прилежавшая к Митрофаньевскому кладбищу, была отведена под свалку городского мусора, а на той части, которая близко подходила к городским скотобойням, возникли «целые курганы мусора» — со скотопригонного двора. Отбросы на Горячем поле постоянно прели, курились, над ними колыхался зловонный густой туман.

Ту часть Горячего поля, что была напротив Новодевичьего монастыря, занимала так называемая Конная площадь. Название это являлось неофициальным и на картах не обозначалось, однако в Петербурге его хорошо знали. Здесь по воскресеньям, средам и пятницам проходила конская ярмарка. Место торга было огорожено барьером, по окружности всей площади устроен «бег», или ристалище, для испытания лошадей. Посредине площади расставлены прясла для привязи лошадей.

Монахинь Новодевичьего монастыря крайне беспокоило подобное соседство, нарушавшее монастырскую тишину и спокойствие. Они даже не раз жаловались «кому следует», но их ходатайства не имели успеха.

«В день торга на Конной площади происходит страшная сутолока, — описывал это место в 1908 г. журналист Анатолий Бахтиаров. — Конское ржание, крик барышников, наконец, самые сделки цыган, чухон, татар и русских, нередко сопровождающих свою речь клятвами и уверениями или же „крепким подтверждением“, не занесенным ни в один лексикон, — все это представляет пеструю и живую картину».

Лошади, ведомые под уздцы коневладельцами, «дефилировали» перед врачом и фельдшером. Возле лошадей сновали многочисленные барышники, расхваливая их достоинства. Обычно покупатели тщательно осматривали у лошади зубы, поднимали копыта, трепали лошадь по шее, тянули за хвост, щупали мышцы. Если внешний осмотр устраивал

покупателя, он садился на лошадь верхом, выдвывая на ней различные «аллюры», испытывая бег лошади, а также проверял, не хромотает ли она.

Господствующее положение на Конной площади занимали цыгане, своего рода «короли конского торгова». Работали они не поодиночке, а целыми «партиями». Цыгане занимались перепродажей, нередко покупая лошадь в одной части Конной площади и тотчас же перепродавая ее в другой. Нередко они приходили на конский торг с одним только хлыстом в руке.

Первой их задачей было купить лошадь, поэтому в день торгова цыгане вставали на подходах к Конной площади и поджидали крестьян, двигавшихся на конский торг со своими лошадьми. Здесь они окружали их тесной толпой и предлагали продать лошадь, а самим ехать домой, чтобы не терять время. Многие крестьяне, не искушенные в торговле, соглашались и продавали цыганам своих лошадей.

Затем начиналась вторая часть представления: цыгане вели лошадей на Конную площадь. Теперь им надо было найти доверчивого покупателя и облапошить его, разыграв перед ним настоящий спектакль. Происходил своего рода «конский лохотрон» — фиктивная покупка и продажа лошади. Разыгрывался он следующим образом: если реальному покупателю нравилась какая-то лошадь, с разных сторон вдруг появлялись неизвестные личности и тоже начинали торговаться на эту же лошадь, искусственно поднимая на нее цену. Естественно, что и продавец, и фиктивные покупатели состояли в одной шайке.

«Конную площадь в Петербурге по справедливости можно назвать ареной всякого рода плутовства и мошенничества», — замечал Анатолий Бахтиаров.

...Летом Горячее поле становилось обиталищем питерских «бомжей» — обитателей ночлежек. В горах мусора «босяки», как их называли, выкапывали себе норы, пещеры или просто ямы для ночлега. «Все босяки группируются на партии или шайки, в каждой шайке — свой вожак, имеющий на них огромное влияние, — рассказывал Бахтиаров. — Шайка состоит человек из пяти, восьми и более». А все для того, чтобы шайке было гораздо проще раздобыть себе провизию или ограбить кого-нибудь...

Тем не менее, несмотря на свою дурную славу, район Горячего поля служил местом народных гуляний. К примеру, в феврале 1913 г. он стал одной из семи «площадок» для народных празднеств по случаю 300-летия царствования Дома Романовых. «Так как Горячее поле изрезано канавами, — сообщали газеты, — то его отгородили особым забором, и публика не будет допускаться на само поле. Она может находиться только в качестве зрителя со стороны Забалканского проспекта, любясь великолепным зрелищем фейерверка».

В праздничный день толпы «оживленного, патриотически настроенного и почти совершенно трезвого трудящегося населения» пришли к Горячему полю. В публике преобладали рабочие, мастеровые, легковые извозчики и «ломовики». «Поле, вернее, болото, залито водой, доходящей почти до колена, — писал современник, — но толпа этого не замечает. Лотки со сладостями торговали, что называется, на славу».

Перед Первой мировой войной в недрах городских властей созрел план переустройства Горячего поля и постройки на его территории центрального рынка для оптовой торговли. Поэтому в июне 1914 г. Городская управа ответила отказом на предложение вдовы купца Шапошникова уступить ей 1200 кв. саженей земли на Горячем поле под постройку комплекса благотворительных учреждений. Шапошникова хотела построить целый городок стоимостью в 700 тысяч рублей, включая богадельню, приют, школу и церковь...

Другое Горячее поле находилось на территории нынешнего Кировского района — в конце Химического переулка в Тентелевой деревне. Это название существовало с начала XX в. до 1969 г.; место представляло собой пустырь, где происходили драки жителей Нарвской заставы. Название оно получило от местного землевладельца Горячева, хотя, очевидно, аналогии с другими Горячими полями петербургских окраин запрашивались сами собой.

Еще одно Горячее поле находилось на правом берегу Невы, между лесом Чернова и беляевскими кирпичными заводами, теперь это примерно в районе Народной улицы. Здесь также находилась огромная свалка, куда свозились отходы многочисленных

предприятий правобережья. По воспоминаниям очевидцев, над свалкой стоял удушьящий смрад — тут постоянно тлело, чадило и горело все, что могло гореть. И так же, как и на Горячем поле Московской заставы, здесь жили «босяки». В холмах и грудах мусора они строили себе некое подобие нор и землянок.

Историк Дмитрий Шерих считает, что именно это, правобережное, Горячее поле упоминала Анна Ахматова в своем стихотворении «Петербург в 1913 году», воспевшем Невскую заставу. Заканчивалось оно такими строками:

Паровик идет до Скорбящей,
И гудочек его щемящий
Откликается над Невой.
В черном ветре злоба и воля.
Тут уже до Горячего поля,
Вероятно, рукой подать.

Действительно, два других петербургских Горячих поля — у Митрофаньевского кладбища и в Тентелевой деревне — были очень далеко от Скорбящей церкви за Невской заставой...